

Чжоу Сяочу понизила голос:

— Я ухожу, покидаю Юнчжоу. Ты пойдёшь со мной?

Хоу Цинсяо на мгновение замер, затем смущённо улыбнулся:

— О чём ты говоришь? Куда бы ты ни пошла, я, конечно, пойду с тобой...

— Я сама не знаю куда, — опустила глаза Чжоу Сяочу. — Просто больше не могу оставаться здесь.

Хоу Цинсяо задумался, а затем внезапно предложил:

— Может, поедем вместе в столицу, посмотрим на мою лавку?

Столица? Чжоу Фу тоже собирается туда. Если она поедет, то они встретятся. Но... Чжоу Сяочу подумала, что в столице никто не знает, кто она, и даже если они встретятся, её отец скорее будет избегать её, чем искать.

— Хорошо, — кивнула Чжоу Сяочу, быстро добавив:

— Ты сегодня вечером соберёшь вещи, завтра утром сразу уедем.

*

Главный цензор Чжан Синьтянь, глядя на две тонкие банкноты на столе, покачал головой и вздохнул:

— Скажи, ты ведь хоть и шестого ранга чиновник, но как ты докатился до такого, что вымогаешь деньги? Но я должен предупредить: человек, которого ты пытаешься обмануть, не так прост. Раньше я тоже пытался его подставить, но наверху всё замяли, и он вышел сухим из воды...

На лице Чжоу Фу застыла подобострастная улыбка, и он поспешно ответил:

— Ничего, ничего, не нужно его трогать, главное — получить деньги.

— Эти твои гроши, — постучал Чжан Синьтянь по банкнотам на столе, — я найду дело, и слова твои передам, но как ты будешь вымогать деньги — это уже не моя забота.

Чжоу Фу соглашался, продолжая кланяться и благодарить. А в душе он проклинал Чжан Синьтяня тысячу раз. Этот жадный до денег червь, слухи о его коррупции дошли даже до Юнчжоу, а правительство ничего с этим не делает.

*

На утреннем собрании канцлер Линь Чжухуэй с серьёзным выражением лица сообщил Лян Хуаню, что за день до получения плана по размещению беженцев из Юнчжоу беженцы из двух уездов прогнали солдат, ворвались в управу и разграбили все запасы зерна из складов.

Узнав об этом, соседняя префектура срочно отправила войска, чтобы подавить восстание и начать выполнение плана, утверждённого правительством. Однако в этом процессе как солдаты, так и мирные жители понесли многочисленные потери, а зерно было раскидано по улицам.

Услышав эту новость, Лян Хуань почувствовал угрызения совести. Если бы он в ту ночь действовал решительно, а не ждал до утра, возможно, столько людей не погибли бы напрасно?

Днём, в комнате наверху Зала Суинь, он рассказал об этом Чэнь Шучжи. Лян Хуань собирался покаяться перед ним, но увидел, что тот, выслушав, сразу же опустился на колени.

— Зачем ты снова на коленях? Разве ты не поклонился, когда поднимался сюда? — нахмурился Лян Хуань.

После долгого молчания Чэнь Шучжи постепенно опустил голову и торжественно произнёс:

— Ваше Величество, может быть... давайте оставим это.

Лян Хуань был ошеломлён этими словами, и его разум на мгновение помутнел.

— Что оставить?

— Наши с Вами отношения, давайте оставим.

Наглый звон цикад проникал через окно в тесную комнату, шумно раздражая барабанные перепонки. Внутри было прохладнее, чем снаружи, и на мгновение стало зябко.

— Что ты имеешь в виду? — Лян Хуань невольно сжал кулаки.

Чэнь Шучжи почувствовал его эмоции и сам был растроган, с трудом выдавливая слова:

— В конечном итоге всё это моя вина. Если так продолжится, Вы, возможно, будете делать что-то из-за меня. Я не хочу быть препятствием на пути Вашего становления мудрым правителем и не хочу быть преступником, приносящим беды стране и народу.

— Как ты можешь так говорить! — Лян Хуань заволновался, взяв его за плечи. — Ты ничего не сделал, в ту ночь это я настаивал на встрече с тобой. Если кто и виноват, то это я, какое это имеет отношение к тебе?

Чэнь Шучжи глубоко опустил голову, сжавшись в комок, его голос был полон вины:

— Ошибки Вашего Величества — это все мои ошибки. Это я соблазнил Вас, ввёл в заблуждение, что привело к гибели людей. Мне не следует больше оставаться рядом с Вами, не следует влиять на Ваши решения и тем более тревожить Ваш разум.

— Нельзя так считать, ты... — Лян Хуань собирался спорить, но вдруг подумал, что он так упорно цепляется за это, действительно ли только из-за этого?

Может быть, это всего лишь ещё один предлог, чтобы оттолкнуть его?

Он говорил, что не хочет его видеть, почему же теперь изменил мнение?

Неужели прошлое снова разожгло в нём ненависть ко мне?

— Синли, посмотри на меня. — Лян Хуань поднял его подбородок, погладил по щеке, его голос был полон искренности. — Ты... всё ещё ненавидишь меня, как раньше?

Эти слова оставили горький привкус во рту.

— Я не смею. — На этот вопрос было легко ответить, но после ответа Чэнь Шучжи почувствовал, что его сердце слегка дрогнуло.

Ненавидит ли он его? Впервые он задал себе этот вопрос. Неуклюжие попытки Лян Хуаня угодить, конечно, не могли загладить боль, которую он причинил в прошлом, но если перенести всю ненависть к Линь Вэйяну на него сейчас, это было бы несправедливо.

Ладно, зачем так подробно разбираться, ненавидит он его или нет — какая разница.

Лян Хуань предвидел этот ответ, но всё же не сдавался, наклонился ближе, пристально глядя в его глаза, его рука слегка дрожала, и голос тоже:

— До сих пор... в твоём сердце нет ни капли меня?

Чэнь Шучжи даже не осмеливался задумываться об этом, механически ответил:

— Это не то, о чём я должен думать. У меня к Вашему Величеству только преданность.

— Тогда... — разочарование превратилось в отчаяние, Лян Хуань беспомощно спросил в последний раз:

— Моё присутствие рядом с тобой только приносит тебе вред?

Мысли остановились, эмоции были отрезаны, Чэнь Шучжи медленно произнёс:

— Это я приношу вред Вашему Величеству.

Сказав это, он долго ждал ответа, но его не последовало. Он поднял глаза и увидел, что Лян Хуань отвернулся, и даже по профилю было видно, как он подавлен.

Увидев это, Чэнь Шучжи запаниковал. Он хотел утешить, но не знал, что сказать, чтобы это помогло. Его голос был спокоен, но внутри он был в смятении:

— Ваше Величество должны найти кого-то, кто знает меру, чтобы быть рядом, а не такого, как я, с каменным сердцем, который только изнуряет Вас.

Но Лян Хуань не утешился этими словами, а, наоборот, исказил лицо и глухо прошипел:

— Уходи, если хочешь, мне не нужно, чтобы ты беспокоился о моей жизни или смерти!

Чэнь Шучжи услышал дрожь в его голосе, и даже чувствуя, что поступил правильно, он не мог не винить себя.

Он боялся, что, оставаясь здесь, станет ещё более печальным, и потому поспешно сказал:

— Мой отец приезжает в столицу, я вернусь, чтобы устроить его, и больше не буду приходить сюда.

Каждое слово замораживало его преданное сердце. Лян Хуань машинально провёл рукой по глазам, повернулся и долго смотрел на него, прежде чем с трудом кивнуть.

*

Выйдя наружу, Чэнь Шучжи всё ещё не мог прийти в себя.

Неужели всего несколько слов — и он отвязался? Теперь он больше не будет его преследовать?

Как будто это было несколько случайных шуток, как будто завтра они снова встретятся в том же месте.

Но он знал, что больше не придёт.

Чэнь Шучжи не мог сказать, радовался он или печалился. Его чувства к этому человеку были слишком сложными, он боялся углубляться в них, опасаясь, что это снова вызовет старые воспоминания.

К тому же, судя по всему, его собственные чувства не имели значения, ему стоило держаться подальше, это было бы лучше для всех.

Проходя мимо Подворья Юнчжоу, он машинально заглянул внутрь, но снова был остановлен слугой у входа.

— Господин Чэнь, как раз искали вас! Ваш отец приехал, он у нас, и не знает, где вы живёте...

Чэнь Шучжи вошёл в лавку, и хозяйка приказала слуге позвать его отца с верхнего этажа, а ему предложила подождать в зале.

Однако, как только он сел, хозяйка подошла к нему и заговорщицки прошептала:

— Господин Чэнь, только что здесь были несколько студентов Императорского училища из Юнчжоу, я слышала, как они обсуждали вас!

Императорское училище — высшее учебное заведение столицы, где собраны лучшие умы со всей Дапин. Студенты Императорского училища обсуждают его? Чэнь Шучжи недоумённо спросил:

— Что они говорили обо мне?

Хозяйка понизила голос:

— Я слышала, как они говорили, что вы связаны с Сектой Зыбучих Песков, довели до смерти свою невесту, разрушили культурную основу Дапин...

— Пф... — даже обычно сдержанный Чэнь Шучжи рассмеялся. — Что за чепуха? Это про меня?

Авторское примечание: Чэнь Шучжи — типичный человек из древности, его ценности отличаются от наших, и это будет проявляться и дальше.

Румяна: Пшёл вон!

<http://bllate.org/book/16213/1455973>